

Отзыв о рукописи диссертации

Александра Сергеевича Бочкарева «Проблема дезертирства из олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Представленное на рецензию диссертационное исследование А. С. Бочкарева представляет собой оригинальный и новаторский труд на весьма актуальную тему (далеко не все возможные перспективы, вырастающие из данного – законченного) труда автор счел возможным обозначить). В работе четко прописаны актуальность и новизна исследования, сразу обращу внимание на то, что текст диссертации четко вписан в глобальную историографию. Текст выстроен весьма изящно; структура работы не вызывает нареканий. Очень важно умение исследовать феномен (в данном случае – феномен дезертирства) в синхронной (XVII века) и диахронной (проблема дезертирства как такового) перспективах. Исследователю удается выходить за рамки узкой проблематики военной истории раннемодерной России и, тем самым, указывать на значение своего исследования за пределами формирующегося (или сформированного) нарратива национальной истории.

Обозначенный Бочкаревым феномен дезертирства, являющийся объектом исследования рассмотрен досконально именно как понятие. В той части работы (описание объекта исследования) мне не хватило отсылки к оптике, истории понятий (Begriffsgeschichte) сформулированной прежде всего Р. Козеллеком, хотя нет сомнения в том, что данная оптика в исследовании присутствует. Отсылка к ключевым (для конца XX века) историографическим парадигмам смогла бы, как мне представляется, значительно усилить ту часть диссертации, где определяется методология исследования: именно таким образом – с отсылкой к ведущим глобальным школам исторической мысли, стоит данный раздел формировать (тогда беспомощная терминология типа «историко-генетический метод» и проч. просто автоматически уйдут из текста).

Выражу, конечно, свои сомнения в «институциональном подходе», о котором пишет диссертант. Можно ли что-то всерьез говорить именно о «государственных институтах» применительно к России XVII века? Большой вопрос. Можно ли говорить, вслед за автором об «институте пашенных солдат» (с. 30)? Полагаю, что собственно диссертационное исследование показывает, что институтом это не было: именно дезертирство, отражающее неприятие обществом неумелых действий местной власти по реализации непродуманных идей московских дьяков показывает, что устойчивой конструкцией, не зависящей от политических (и иных) перемен, олонецкие пашенные полки не были. Стоит ли их считать институтом? При этом я полностью солидаризируюсь с диссертантом в связи с его скепсисом по отношению к «сословности» московского (русского) общества в XVII веке (до 1714/1722 гг.). Большую мою поддержку вызывает наблюдения о социальной трансформации в Карелии в связи с появлением пашенных солдат («от сироты – к холопу»). Как было высказано мной выше, это открывает важные (и не всегда проговоренные автором) исследовательские перспективы.

С точки зрения «узкой» историографии истории Карелии XVII века очень важно уважительное отношение диссертанта к своим коллегам – прежде всего, к А. Ю. Жукову и Д. В. Брусницыной, которые (представляется – с меньшим, чем диссертант

успехом) обращались к данной же теме. Отсылки к их работам всегда уместны, полны и весьма корректны. С другой стороны, встречающиеся в тексте диссертации ссылки на книги В. А. Волкова кажутся мне излишними: особенных самостоятельных наблюдений у этого автора, которые не были бы сформулированы в других важных исследованиях (А. В. Чернова, О. В. Курбатова, А. В. Малова) мне неизвестны. С другой стороны, когда А. С. Бочкарев выходит на вопросы «большой», сравнительной историографии, видимой лакуной оказывается отказ ученого от рассмотрения проблемы плена в раннемоdernую эпоху, хорошо проработанную в науке и, как мне представляется, тесно связанную с теми вопросами, которые ставятся в диссертации.

С некоторыми положениями вводной части текста я не могу согласиться. Так, на с. 6 А. С. Бочкарев пишет: «обеднение и неспособность поместной конницы обеспечивать свою службу, особенно в последней трети XVI – начале XVII вв. из-за продолжительной Ливонской войны и Смуты, стало основным фактором массового уклонения и бегства из армии». Я полагаю, что здесь сохранность источников, весьма неравномерная для раннемоdernой эпохи, уводит нас в область слабых предположений. Достаточно плохо известно, насколько в первой половине – середине XVI в. Практиковалось дисциплинирование помещиков, насколько последовательно московская власть реализовывали угрозу (и норму) о конфискации поместий до последней трети XVI в. Тут весьма интересна была бы сравнительная перспектива: поместное войско/посполитое рушение великого княжества Литовского середины XVI в., важнейшей причиной кризиса которого, как показал, к примеру, А. Янушкевич, был отказ господарской власти от конфискации шляхетских держаний за неявку на службу уже в 1560-е годы. При том что сравнительный метод не только не чужд, но скорее присущ А. С. Бочкареву, весьма интересны и уместны сравнения военных реформ в Карелии XVII в. со сходными почти синхронными мероприятиями в Речи Посполитой и Шведском королевстве (с. 36 и далее), а также (и это весьма важно для построений А. С. Бочкарева) с устройством комарицких драгун на Белгородской засечной черте (что явилось своеобразной моделью для создания олонекских полков).

Также не могу согласиться с поддержанным А. С. Бочкаревым (с. 7) утверждением А. Ю. Жукова о том, что существовал будто бы некий «поместно-земский полк Корельского уезда» конца XV-XVI вв.». Думается, что никаких указаний на такой «полк» в источниках нет и само его существование – это какая-то фантомная конструкция. Известно, что в XVI в. новгородские помещики служили по пятинам (или в осадной службе по городам), никаких других данных в Разрядах нет.

Подчеркну высокое качество описания источниковой базы диссертации (это также выгодно отличает работу А. С. Бочкарева от предшествующих исследований сходной проблематики). Данное описание убеждает как основание для диссертационного исследования: источники классифицированы не по местам хранения, но по категориям, категории разнообразны (а не сводятся, к примеру, у одним «солдатским книгам»).

В представленном труде А. С. Бочкарев делает ряд весьма важных наблюдений, на которых мне хотелось бы сделать акцент. Прежде всего – это хронологический аспект проблемы дезертирства в олонекских полках. Ученым предложена периодизация дезертирства (важнейший фактор: война, военные действия). «Раннее» дезертирство олонекских солдат – дезертирство крестьян из учебных частей. Поначалу (до начала войны с Речью Посполитой) оно было весьма малочисленным. (тут интересно также наблюдение А. С. Бочкарева о том, что учебный график олонекских

полков перекликался с боевой подготовкой шведской армии). Другая проблема: сравнение дезертирства и крестьянского бегства. Диссертант не ставит знак равенства между этими явлениями, но указывает (для олонекских полков) несомненную связь, когда пишет о феноменологии дезертирства в Карелии. Максимальные масштабы дезертирство принимает при столкновении со шведской армией, гибелью солдат на войне. Еще один фактор – эпидемия чумы. А. С. Бочкарев отмечает, что в 1657 г. среди крестьян больше уклонистов, чем дезертиров. Но в этом году (по солдатской переписи) в олонекских полках насчитывалось до 18% беглых (с. 67). С ходом войны происходило ухудшение морального состояния олонекских полков. К 1662 г в бегах было более четверти солдат (с. 72). А. С. Бочкарев уже здесь обозначает причину этого: «служат все, без перемены». Ученый отмечает столкновения дезертиров с высельщиками. Сравнивает с соседней Финляндией и столкновениями со шведскими офицерами, мобилизовавшими в армию финских крестьян.

Во второй главе диссертации подробно рассмотрены факторы дезертирства олонекских солдат. Основной фактор: слабость денежно-продовольственного обеспечения поселенных войск (и раннемодерных армий вообще). Ученый подчеркивает общеевропейский характер данной проблемы. Борьба с этим – в середине XVII века привела к первым попыткам создания инфраструктуры обеспечения. Война уже не кормит войну. Однако противоречие «самоснабжение» vs государственные поставки (закупки) сохраняется до XVIII в., когда возникает интендатская службы. Все это происходит на фоне существования также и архаичных форм поставок: старинная посошная служба.

Другой фактор – дестабилизация полков в результате финансовой аферы правительства 1650-1660-х. А. С. Бочкарев рассматривает вопрос о выдаче денежного жалованья солдатам и о зачитывании в счет жалованья продовольственных выплат. Развал армии в результате финансового кризиса (заостряет) (с. 95-97). Нереальная дороговизна приводила подчас к чрезвычайным дополнительным выплатам солдатам и урядникам, однако в целом проблемы это не решало.

Третий фактор – нарушения порядка службы местными властями. Именно это, как показывает А. С. Бочкарев, в итоге приводило к мятежу. Ошибки и перегибы в дисциплинировании солдат со стороны местных властей и командиров приводило к нарушению социального баланса. Все это происходило на фоне таких практик как круговая порука. В годы военного напряжения для удовлетворения запросов действующих воевод на людские ресурсы местные власти пошли на нарушение двухпеременного порядка службы, что вызвало социальный дисбаланс и, в результате – его кульминацию – мятеж в Пскове в 1662 г. Он начался с вооруженного побега большой группы солдат и последующего вооруженного столкновения беглых с другими солдатами. Посадские люди Пскова сорвали показательную казнь зачинщиков. Все это чуть было не привело к очередному псковскому мятежу.

Существенным фактором, оказывавшим влияние на дезертирство, был военный. К бегству солдат приводили поражения войск в Карелии и в Олонецком уезде; в итоге это вело к истощению мобилизационного ресурса.

В третьей главе рассмотрено групповое дезертирство олонекских солдат и борьба с ним; то, как именно реализовывалось противостояние олонекских солдат и властей. А. С. Бочкарев подчеркивает, что одиночное дезертирство было скорее редкостью. Важным дискурсивным топосом в противостоянии был «скоп», единачество нарушивших закон. Ученый разбирает несколько кейсов коллективных побегов. На

мой взгляд, в этой части диссертации несколько искусственна (но весьма важна и интересна сама по себе) подробная вставка о чинах полков Олонецкого уезда, с подробной росписью обязанностей. Чрезвычайно важны для исследовательских построений А. С. Бочкарева вопрос об урядниках и беглых солдатах и вопрос о начальных людях (сперва только из иноземцев) и противостоянии их со вчерашними крестьянами. Ученый рассматривает феномен побега из полков и роль в нем урядников. А. С. Бочкарев ставит вопрос о доверии к урядникам со стороны солдат. Он пишет, что решение о побеге: принимали как правило сержанты олонечких полков. Одновременно на урядниках лежала и должностная ответственность (медленно заменявшая собой архаичную практику круговой поруки).

Важная часть этой главы – рассмотрение А. С. Бочкаревым наказаний за дезертирство. Он справедливо пишет, что они были в XVII в. социально обусловлены и различались за сходные проступки для начальных людей, урядников и солдат (телесные наказания, денежные взыскания). Важен вывод ученого: дезертирство в московской культуре XVII в. – не уголовное преступление. По классификации Н. Ш. Коллманн оно лежало между правонарушением и преступлением. Наказания за укрывательство дезертиров назначались сходными с наказаниями за укрывательство беглых крестьян и холопов. В этом вопросе также важно используемое сравнение со сходными практиками в синхронных Речи Посполитой и Шведском королевстве.

Последняя часть этой главы посвящена сыску и возврату дезертиров. А. С. Бочкарев отвечает на вопрос: кто был сыщиком? Ими были начальные люди, дворяне, дети боярские и новокрещены, назначенные местными властями. В годы войн наблюдался дефицит кадров для розыска. Среди практикуемых мер А. С. Бочкарев отмечает штрафы, налагавшиеся на семьи дезертиров и использование механизма поруки. Ученый рассматривает поручные записи и состав поручителей, а также состав и численность конвоев при возвратившихся дезертиров.

В заключительной части диссертации А. С. Бочкарев демонстрирует, что основные положения, вынесенные им на защиту. Важнейшим, как мне кажется, наблюдением ученого является то, что кейс олонечких полков указывает на потенциал социальных трансформаций в раннемодерном московском обществе. Само явление, которое рассматривается в диссертации как массовое (и проблемное) фиксируется только после 1654 г. – когда началась война с Речью Посполитой и, особенно, авантюры 1656–1657 гг. со Шведским королевством.

Позволю себе в отзыве также некоторые уточнения. На с. 25 А. С. Бочкарев пишет, что «власть осуществляли подьячие новгородских дьяков или дворецкого». Это неудачно и непонятно. Подьячие были в приказах/избах/столах, но не у дьяков или дворецких. На с. 39 ученый пишет: «с окончанием Тридцатилетней войны Кремль укреплял всю линию границы со Швецией». Ну, нет уверенности, что всю границу (к Северу от Ладожского озера ее протяженность была более чем на 1000 верст); нет и уверенности, что «Кремль» (т.е. центральная власть) занималась этим укреплением.

Отмечу еще несколько важных вещей. При чтении всего текста диссертации обращает на себя внимание очевидный высокий уровень экспертизы А. С. Бочкарева в исторической географии Карелии XVII века: это дополнительный аргумент в пользу поддержки данного диссертационного исследования.

Результаты работы А. С. Бочкарева приводят, как мне думается, к весьма важным наблюдениям. Они отчасти выходят за рамки того, что формулирует сам диссертант. Однако его выводы наталкивают на мысль о том, что многие

травматические особенности петровской эпохи – кроются в приемах (и опыте) борьбы с дезертирами в XVII веке.

Данные замечания не умаляют общей ценности работы и могут рассматриваться как вопросы, требующие решения в дальнейшем исследовании проблемы.

Диссертация Александра Сергеевича Бочкарева по теме «Проблема дезертирства из олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности **5.6.1.** – Отечественная история, соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п.9, п.11, п. 13. п. 14 "Положения о присуждении ученых степеней". утвержденного "Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 20.03.2021). Диссертация отличается новизной в рассмотрении проблемы, представляет собой самостоятельное, оригинальное, законченное научное исследование. Научные исследования, полученные соискателем имеют существенное значение для российской исторической науки. Автор данного исследования Александр Сергеевич Бочкарев заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности **5.6.1.** – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук (специальность 5.6.1. Исторические науки. Отечественная история), профессор Департамента истории, декан факультета Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Федерального государственного Автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

А. А. Селин

16 июня 2022 г.

Контактные данные:

Адрес места работы:

190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123 А, каб. 311,

Телефон.: +7 (812) 644-59-10

Электронная почта оппонента aselin@hse.ru

Подпись А. А. Селина заверяю

Начальник отдела кадров
Л. Н. Возьян